

Разве смел Старый Куан взять деньги, когда сам Чжуан Суань решил приобрести квартиру в собственном жилом комплексе? Он мгновенно, размашистым росчерком пера вычеркнул выбранную Чжуан Суанем планировку из открытых продаж. Куан в один голос уверял: переезд самого главы компании станет лучшей живой рекламой для проекта, о какой оплате вообще может идти речь? Оформить сделку даже по себестоимости, как для рядовых сотрудников, он категорически отказался — только подарок! Единственное, о чём умолял директор Куан, — разрешить деликатно пустить слух среди остальных жильцов, когда Чжуан Суань справит новоселье.

Чжуан Суаню было неловко принимать подобный щедрый жест, но против искренних слёз и театрального давления Старого Куана устоять не удалось. Сдавшись, он принял подарок, но в ответ разом внёс оплату за коммунальное и техническое обслуживание аж на пятьдесят лет вперёд.

Хотя управляющая компания и являлась «дочкой» строительного холдинга, до сдачи объектов в эксплуатацию она не приносила ни юаня дохода. Персонал проходил оплачиваемые стажировки, а вся структура существовала исключительно на дотации головного офиса. Чжуан Суань планировал покривить душой и провести платёж через штаб-квартиру компании, но Отдел элитной недвижимости встал грудью: дескать, высокочлассный сервис готовится именно под элитные ЖК, так с какой стати Господин Чжуан должен опять тратить личные средства?

Лишь после этого Чжуан Суань с чистой совестью перевёл кругленькую сумму на пятьдесят лет вперёд, сделав это прямым, пусть и скрытым, субсидированием управляющей компании.

Кто бы мог подумать, что этот случайный шаг натолкнёт Отдел элитной недвижимости на гениальную идею. Менеджеры как раз ломали голову над тем, как законно и красиво обосновать стремительный рост авансовых залогов от чересчур азартных покупателей. Одной лишь предоплаты за дизайнерскую отделку уже не хватало, а вот авансовый взнос за обслуживание на годы вперёд открывал небывалые горизонты. Схема мгновенно прижилась и стала негласным стандартом.

Чжуан Суань, так и не сумевший потратить солидную сумму даже на собственное жильё, лишний раз убедился в своём «проклятии» и мог лишь молча досадовать. К счастью, подвернулся Чжэн Тун со своим предложением по размещению флагманского универсама. Если при покупке жилья Директор Чжэн не считал деньги — подумаешь, пара десятков миллионов! — то в вопросах открытия крупнейшего торгового центра его подход разительно изменился. Тут он бился за каждый пункт.

Чжэн Тун проявлял въедливую придирчивость не только к общей площади и архитектурному облику комплекса, но и к зонированию внутренних помещений, мощности инженерных сетей и электрооборудованию. Когда он вывалил на стол увесистый фолиант с техническими требованиями по локации, состоявший из нескольких сотен жёстких регламентов, у Бай Юйсяня от одного взгляда на эти инструкции в глазах потемнело.

Однако Чжуан Суань, успевший в своей прежней жизни поработать профессиональным архитектором-проектировщиком, прекрасно знал цену подобным запросам. Что уж говорить о

гигантских торговых сетях, если даже скромная франшиза «Золотых арок» выдвигает жесточайшие условия по перепланировке: начиная от палитры отделки и заканчивая пиковой нагрузкой на электросеть, требованиями пожарной безопасности и прочими скрытыми инженерными нюансами. Далеко не каждое фасадное помещение на улице способно пройти подобный отбор.

То, что Чжэн Тун сходу выложил готовый регламент присутствия брендового универмага, объяснялось двумя факторами. Во-первых, пулом аффилированных ритейлеров, работавших с ним на условиях долгосрочного партнёрства. Во-вторых, богатым международным опытом: компания реализовала десятки подобных объектов по всему миру и имела отточенную до мелочей документацию. Это берегло уйму времени по сравнению с хаотичной переделкой готовых площадей. А главное, получение столь исчерпывающих спецификаций до начала нулевого цикла строительства позволяло спроектировать здание «под ключ», что колоссально снижало итоговую смету.

Чжуан Суань отчётливо видел: Чжэн Тун действительно заинтересован в сделке.

Но при этом Директор Чжэн оставался матёрым дельцом. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что местная покупательная способность ещё не доросла до стандартов премиального ритейла. Проще говоря, платежеспособного населения здесь пока маловато, и потока состоятельных клиентов в первые два-три года просто не хватит для выхода на окупаемость. По этой причине Чжэн Тун выдвинул жёсткое условие: предоставить арендные каникулы сроком на два года с момента сдачи здания в эксплуатацию. В этот период входили чистовая отделка помещений и технический запуск. За время каникул планировалось провести аудит, отсеять убыточные концепции, постепенно подтянуть сильные отечественные бренды и лишь по истечении двух лет сесть за стол переговоров для утверждения долгосрочной ставки.

По сути, Чжэн Тун намеревался обкатать экспериментальный формат премиального универмага, адаптированного под специфику китайских регионов. В мегаполисах первого эшелона у него уже работало несколько площадок — там публика была искушённой и ориентированной на международный рынок, так что ритейлерам не требовалось меняться. Однако при экспансии в провинцию второго и третьего эшелонов корректировка бизнес-модели становилась неизбежностью.

— Зачем вам выходить на рынки городов второго, третьего и даже четвёртого уровня? — с любопытством поинтересовался Чжуан Суань.

Чжэн Тун ответил без утаек:

— Ситуация в стране отличается от зарубежной. В последние годы онлайн-торговля развивается небывалыми темпами, а экспресс-доставка работает со сногшибательной эффективностью. Наш аналитический отдел прогнозирует: уже через пять, максимум десять лет традиционный офлайн-ритейл столкнётся с сильнейшим кризисом. Люди всё чаще будут делать покупки в интернете, не выходя из дома. Но наши элитные универмаги в столицах уже завоевали статус символа роскоши — жители провинций, приезжая в мегаполисы, обязательно наносят туда визит. Если мы откроем подобное у них под боком, устойчивый поток

покупателей гарантирован. Такой запуск на опережение в регионах позволит захватить рынок до того, как гиганты опомнятся.

Чжуан Суань выразил одобрение и, опираясь на свой уникальный опыт человека из будущего, ненавязчиво заметил:

— В действительности интернет-торговля и классические моллы — это не непримиримые враги. На экранах смартфонов покупатель видит лишь картинку...

Услышав это, Чжэн Тун погрузился в раздумья.

Чжуан Суань подхватил тему, с лёгкостью разворачивая мысль:

— Первое поколение универмага занималось чистой продажей товаров. Старые торговые дома в Императорской столице — наглядный пример: эдакие гипертрофированные сельпо, где главное — ассортимент. Затем пришли западные стандарты и появилось второе поколение: подвал отдают под супермаркет, на первом этаже расположена ювелирка и косметика, второй и третий заняты одеждой, четвёртый — детскими товарами и текстилем, а на пятом обустроен фуд-корт. Чем выше этаж, тем ниже арендная ставка. Вся разница между премиальным и обычным моллами сводилась лишь к ценникам да громким именам на вывесках. Но с расцветом электронной коммерции потребитель получает тот же товар дешевле и с доставкой до двери. В торговые центры теперь ходят за примеркой: посмотреть артикул, перекусить на верхнем этаже и прихватить мелочёвку в цокольном гастрономе. А основные суммы уходят продавцам в Сети. Чем в таком случае зарабатывать арендаторам? Пожалуй, удерживаются на плаву лишь топовые люксовые бренды, чьи оригиналы сложнее достать онлайн...

— Господин Чжуан абсолютно прав! Мы и сами начали приходить к этому выводу, — воодушевлённо подхватил Чжэн Тун. — Любому моллу, даже самому элитарному, нужен поток посетителей. А привлечь людей сегодня можно только эмоциями и впечатлениями.

Он подался вперёд и продолжал:

— Наш совет директоров как раз разрабатывает новую концепцию: разместить кофейни и ресторанчики на каждом уровне, отдать часть площадей под детские игровые зоны и развивающие центры. Где бы ни жил китаец, на детях он экономить не станет. Направить деньги на развитие и досуг ребёнка — это статья расходов, от которой ни один родитель не сможет отказаться, в отличие от трат на капризы женщин.

Сидевшая рядом с Чжэн Туном эффектная спутница лишь кокетливо надула губки, предпочтя не вмешиваться в мужской разговор. На ней красовались наряды от кутюр общей стоимостью в целое состояние, однако её мысли занимало иное: уютный дом и ребёнок. Пусть даже будущий малыш не получит официального статуса законного наследника, щедрые алименты обеспечат ей безбедное и беспечное существование до конца дней.

Стремление продолжить род заложено в ДНК каждого китайца. Даже такая однополая пара, как Чжуан Суань и Бай Юйсянь, временами задумывались об этом...

Впрочем, когда ресурсы семьи ограничены, проявить абсолютную беспристрастность ко всем отпрыскам удаётся редким родителям.

Пока Чжуан Суань и Бай Юйсянь с увлечением обсуждали с Чжэн Туном перспективные горизонты бизнеса, в традиционном сыхэюане клана Лю царила гнетущая, ледяная атмосфера.

Лю Хун, вызванный Старейшиной семьи Лю, мчался в Императорскую столицу ночным рейсом. Он рассчитывал услышать привычную похвалу, но, переступив порог кабинета Старейшины Лю, словно попал из разгара летнего зноя в глубокий ледник. Под тяжёлым, пронзительным взглядом патриарха его охватила крупная дрожь, а сердце сжала безотчётная паника.

Ирония судьбы заключалась в том, что Лю Хун на автопилоте опустился именно в то кресло, в котором во время прошлого визита сидел Бай Юйсянь.

Старейшина Лю не занимался каллиграфией — массивный письменный стол пустовал. Куда-то исчезли и вышколенные слуги, и привлекательная чайная мастерица, обычно сопровождавшая аудиенции.

— Хун-эр, за последние несколько лет ты регулярно переводил средства некому молодому человеку по имени Бай Юйсянь. Суммы варьировались от тридцати тысяч до полумиллиона. С какой целью? — Старейшина Лю начал издали, намереваясь проверить, хватит ли у сына ума сообразить, к чему клонит отец.

Не упомяни Бай Юйсянь об этом в недавнем разговоре, Лю Хун до последнего отнекивался бы от наличия внебрачного отпрыска. Но сейчас, упиваясь мнимым триумфом, он решил, что пришла пора выложить карты на стол. Выпрямив спину, он с фальшивой смелостью произнёс:

— Отец, Бай Юйсянь — мой внебрачный сын. Я перечислял ему деньги за то, что он выполнял для меня некоторые поручения.

Старейшина семьи Лю посмотрел на своего спесивого отпрыска и тяжело вздохнул. Натуру собственных сыновей он изучил досконально. Лю Хун не был полным кретином, скорее — серостью на фоне остальных братьев. Однако воспитание в клане Лю и созерцание колоссальных возможностей неизбежно породили в нём огромную амбициозность.

В своё время Глава клана чётко дал понять: кресло руководителя достанется сильнейшему, правила первородства не действуют, и претендовать на наследство могут даже бастарды. К счастью, собственные внебрачные дети Старейшины обладали трезвым умом — они не лезли в

кровавую грызню за власть, довольствовались дивидендами и избегали административных постов, дабы не стать жертвами внутрисемейных репрессий.

Лю Хун же являл собой противоположность: заурядные способности при непомерных аппетитах. Отыскав такого талантливого и исполнительного сына, как Бай Юйсянь, он начал спихивать на него самые безнадежные проекты, заваленные братьями, и тот каким-то чудом превращал убытки в колоссальные прибыли. Обладай Лю Хун хотя бы каплей дальновидности, он постарался бы официально ввести Бай Юйсяня в структуру «Группы Лю», дабы раскрыть его потенциал на полную мощность...

Но даже сегодня, вынужденно признавшись в существовании Бай Юйсяня, Лю Хун продолжал умалять его достоинства. Он твердил, будто парень слишком молод, вырос в нищете, не обладает широтой кругозора, а всех успехов добился исключительно благодаря отцовским директивам и предоставленным ресурсам.

— В таком случае, почему ты отпустил Бай Юйсяня в «Группу Чжуан», вместо того чтобы трудоустроить в собственные компании? — ледяным тоном спросил Старейшина.

В своё время Лю Хун пытался заманить Бай Юйсяня к себе, обещая любой руководящий пост. Однако парень наотрез отказался, заявив, что его привлекает девелопмент и реальный сектор экономики, а финансовые махинации и ростовщические конторы Лю Хуна ему глубоко отвратительны.

— Отец, мои братушки — тёртые калачи. Появись Бай Юйсянь на моих предприятиях, они моментально отрыли бы этот грешок и устроили мне травлю. Мне-то ладно, но парень молодой, ранимый — смяли бы и не заметили. Потому я и держал всё в тайне, даже Лю Я ничего не говорил. Всё-таки их мать жива, а тогда... Ну, просто бесы попутали, к матери Юйсяня я ничего не чувствовал. Иначе не бросил бы их на столько лет без гроша.

Лю Хун произнёс это без тени смущения. В конце концов, у самого Главы семейства имелась целая орава внебрачных детей и ещё больше бездетных любовниц. В сравнении с родителем Лю Хун считал себя почти святым. Сейчас он судорожно гадал, чем вызван скрытый гнев отца. Подумаешь, бастард! Неужели Старейшина опасается, что всплывут пикантные подробности о насильственной связи с матерью Бай Юйсяня?

Мать Юйсяня годами сгнивала в психбольнице и недавно испустила дух. Живая она не представляла угрозы, а мёртвая — тем более. Сам Юйсянь — парень сметливый, иначе не стал бы работать на родного отца. Единственные, кто мог раздуть из этого компромат, — его собственные братья-стервятники.

Старейшине Лю и спрашивать не требовалось, чтобы понять ход мыслей сына. Братья годами вели грызню за активы, подставляя друг друга, но не переходили черту. Если бы на свет вылез уголовный криминал, пострадала бы не просто репутация одного из сыновей, а репутация всего клана Лю. Именно поэтому Лю Хун свято верил, что грех останется погребённым, а даже если кто-то из братьев решит использовать компромат, дальше шепотка за спиной дело не

пойдёт.

Вот только Лю Хун не учитывал главного: вся эта логика работала лишь до тех пор, пока отец планировал его прикрывать. Но едва на горизонте замаячили куда более масштабные выгоды, едва патриарх решил переманить на свою сторону Бай Юйсяня, размен Лю Хуна — отработанной пешки, предназначенной на съедение волкам, — стал лишь вопросом времени.

Глава клана неоднократно задавался вопросом, где совершил ошибку в воспитании наследников: виной ли тому его собственные тоталитарные методы или сыновья от рождения оказались бездарностями? Третье поколение и вовсе сплошь состояло из избалованных бездельников. Единственными, кто проявлял хоть какие-то проблески ума, оказывались внуки.

Лю Я выделялась сообразительностью, но Лю Хун удачно «продал» её семье У в качестве невесты. А Бай Юйсянь, наделённый выдающимся интеллектом, и вовсе скрывался собственным отцом. Неужели никчёмность родителей побуждает детей остро ощущать угрозу, заставляя бороться и взрослеть в разы быстрее?

Старейшина Лю перевёл разговор на главный вопрос:

— Значит, это с твоей подачи Бай Юйсянь помог «Группе Чжуан» одержать победу на торгах?

— Ну разумеется! — с гордостью выпятил грудь Лю Хун, даже не подозревая, что сам натягивает петлю на собственную шею. — Этот соплик У Тянью вечно витает в облаках! Наскрёб где-то восемьдесят миллионов и возомнил себя великим дельцом. Старики из семьи У категорически против, просили меня вставить ему мозги. Сейчас надо все силы бросить на скупку участков в Новом районе, чтобы быстренько сбыть их перекупщикам! А он вздумал закопать капитал в Старом городе. Да оттуда администрация уезжает! В старых кварталах останутся только нищие, которым не по карману новое жильё. Какой там бизнес...

Слушая, как сын упоённо хвастается своей «прозорливостью», Глава клана почувствовал, как сердце сжала знакомая острая боль. В этот миг Лю Хун и Бай Юйсянь казались удивительно похожими — оба обладали редким даром доводить Старейшину до белого каления. Только один был беспросветным дураком, упивающимся собственным ничтожеством, а второй — гением, с поразительным хладнокровием играющим роль жертвы.

Старейшина достал из кармана валидол, отправил таблетку под язык и нажал скрытую под столешницей кнопку вызова. Дверь мгновенно отворилась, и на пороге вырос личный адъютант.

— В Императорской столице стало слишком душно, от этого у меня постоянные приступы, — ровным тоном произнёс патриарх. — Немедленно организуйте поездку в горную резиденцию в Яньцине. А Хун-эр поедет со мной — проявлять сыновью почтительность и ухаживать за больным родителем.

Прежде чем Лю Хун успел осознать происходящее, охранники лишили его всех средств связи. Под конвоем его препроводили в машину и отправили в глухие леса Яньциня — «оздоравливаться».

На следующее утро новости дошли до Бай Юйсяня. Вовсе не потому, что он пристально следил за судьбой биологического отца, — просто запаниковавшая Лю Я, потеряв связь с родителем, принялась обзванивать всех знакомых.

Бай Юйсянь отделался парой дежурных соболезнований и, положив трубку, тут же поделился информацией с Чжуан Суанем.

— Суань-Суань, во время нашей прошлой встречи Старейшине действительно стало плохо от волнения, едва отпустило после лекарств. Неужели Лю Хун со своей беспросветной глупостью довёл деда до очередного приступа? Или же старик решил упечь сына под домашний арест, чтобы тот больше не путался под ногами, а заодно сделать мне красивый реверанс?

Чжуан Суань прикинул расклад и ответил:

— Когда ты выманил у Лю Хуна те полмиллиона и переложил всю ответственность на него, ты ведь наверняка рассчитывал на подобный исход. Старейшина явно не посвящал Лю Хуна в свои коварные планы по поглощению активов семьи У, где тот выступал лишь слепой приманкой. В итоге провал с покупкой участка выглядел как глупая самодеятельность Лю Хуна. Старик наверняка едва не лопнул от ярости! Чтобы тот опять ничего не испортил, его изолировали от внешнего мира. Старейшина готовится затянуть петлю и захватить бизнес семьи У. А единственная польза, которую теперь может принести Лю Хун, — стать разменной монетой в игре по завоеванию твоего расположения.

— Перестань, — фыркнул Бай Юйсянь. — Я и не думал играть по указке деда. Я полностью верен тебе и прекрасно чувствую себя на твоём содержании! С чего бы старику цепляться за такого внука? У него их пруд пруди, одним больше, одним меньше. Мне остаётся лишь набраться терпения. Как только патриарх поглотит империю У, ему потребуется козёл отпущения. Лю Хуна выбросят на свалку, семья У проклянёт его, а родственники отвернутся. Этим я смогу со спокойной совестью почтить память матери. А идеальным финалом станет искупление: пусть Лю Хун до конца дней гниёт в психушке, стена от невыносимых мук.

В глазах Чжуан Суаня Юйсянь был совершенством. Старейшина Лю — далеко не дурак, чтобы не оценить по достоинству такой бриллиант. Глава клана вполне мог вознамериться сделать Бай Юйсяня своим прямым наследником. Однако сам Юйсянь брезговал даже приближаться к змеиному гнезду семьи Лю, и Чжуан Суань, естественно, не собирался подталкивать возлюбленного в это липкое болото.

Даже если дед стремительно сожрёт капитал У, внутри клана Лю начнётся длительный процесс делёжки. Распределение трофеев неизбежно выльется в жестокую подковёрную войну между братьями. А когда Лю Хун окажется козлом отпущения, его личные активы останутся без присмотра. Братушки своего не упустят: пока бедолага числится «недееспособным», его

бизнес растащат по кирпичику.

Спустя всего несколько дней деловой мир потрясло грандиозное событие. Клан У, процветавший на протяжении многих десятилетий, неожиданно столкнулся с катастрофическим разрывом ликвидности. Многолетние долги и миллиардные убытки по крупным объектам разом давили на компанию. Падающего — толкни: кредиторы и партнёры мгновенно бросились делить добычу. Империя У была вынуждена за бесценок распродавать ликвидные активы и сворачивать деятельность. До полного банкротства дело не дошло, но от былого могущества не осталось и следа.

Скупку элитных активов по бросовым ценам осуществила «Группа Лю». В кулуарах шептались о «родственной помощи» в рамках готовящегося брачного союза. Однако аналитики, внимательно следившие за хронологией событий, понимали: семью У спланированно толкали в пропасть, и за ниточки этой кровавой интриги дёргал тот, кто извлёк максимальную выгоду, — клан Лю.

Всё это время Глава «Группы Лю» пребывал в загородной резиденции под предлогом ухудшения здоровья. Он выглядел полностью отстранённым от мирских дел, а подле него бессменно находился единственный сын — Лю Хун.

По столице поползли слухи, будто Старейшина готовится отойти от дел и передать бразды правления. Ведь именно Лю Хун озвучивал все ключевые директивы родителя во время «лечения».

Разорённое семейство У, осознав масштаб предательства, явилось с бурными претензиями. Но Старейшина Лю не раздумывая выставил перед разъярённой толпой Лю Хуна — давать объяснения.

На бедолагу обрушился шквал проклятий. Ему припомнили всё: и шантаж с помолвкой, и вероломный захват капитала. Несостоявшийся зять У Тянью тыкал в него пальцем, кляня лицемером и подлецом, а родная дочь Лю Я со слезами на глазах обвиняла отца в жестокосердии и разрушении её личного счастья.

Оказавшись преданным всеми, Лю Хун лишь теперь осознал, в какую ловушку попал. Но его оправдания никому не были интересны. Старейшина Лю во всеуслышание объявил, что его сын помешался от расстройства ума. Лю Хуна под конвоем отправили в закрытую лечебницу с максимальным уровнем изоляции, расположенную на затерянном в океане острове. Судя по официально поставленному диагнозу, первый этап его «интенсивной терапии» должен был затянуться минимум на десять лет.

Старейшина бросил внучке пару миллионов юаней «на приданое» в качестве компенсации, выставил посрамлённых представителей семьи У за двери и, несмотря на «недомогание», триумфально вернулся в Императорскую столицу, дабы вновь единолично встать у штурвала

«Группы Лю».

<http://bllate.org/book/19804/1992582>